

УДК 316.33
ББК 60.560
К 19

А.В. Канунникова,
*преподаватель кафедры среднего профессионального образования
Кабардино-Балкарского государственного университета, г. Нальчик, тел.:
89287241306, e-mail: alla90@front.ru*

ПРАВОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К СОЦИОЛОГИЧЕСКОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ

(Рецензирована)

Аннотация. В статье анализируются методологические возможности применения институционального подхода к социологическим исследованиям социально-правовых процессов в целом и правовой социализации молодежи в российском социуме – в частности. Автор особый упор делает на необходимости совершенствования институциональной методологии и методики социологических исследований социально-правовых процессов и указывает, что успешная правовая социализация молодежи зависит от эффективных социальных институтов, действующих в обществе.

Ключевые слова: правовая социализация, социум, молодежь, социальные институты, институциональные исследования, социологическая методология.

A.V. Kanunnikova,
Lecturer of the Department of Secondary Vocational Education of the Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, ph.: 89287241306, e-mail: alla90@front.ru

LEGAL SOCIALIZATION OF THE RUSSIAN YOUTH: AN INSTITUTIONAL APPROACH TO SOCIOLOGICAL RESEARCH

Abstract. The paper analyzes the methodological possibilities of using institutional approach to sociological studies of social and legal processes in general, and legal socialization of young people in Russian society, in particular. The author particularly emphasizes the need to improve the institutional methodology and methods of sociological research of social and legal processes and points out that a successful legal socialization of young people depends on effective social institutions operating in society.

Keywords: legal socialization, society, youth, social institutions, institutional research, sociological methodology.

С точки зрения современного институционального подхода (который также получил название «неинституционального»), общество состоит из множества институтов. Они направлены на оптимизацию поведения людей, отношение которых к ситуации, а также друг к другу, определяется и опосредуется системой общепринятых правил, являющихся ключевыми элементами социальной структуры. Таким образом, институты связываются с типом стратегического социального поведения, возникновению которого они способствуют [1].

Неоинституционалисты рассматривают воздействие социальных институтов на эволюцию общества. Специфика этого подхода состоит в том, что он интегрирует институциональное измерение социальных процессов именно как фундаментальную категорию анализа, в котором учитывается вся сложность и многомерность социальных отношений.

Институциональный подход, который часто критикуют за преуменьшение роли социальной структуры, мотивационных паттернов и психологических установок – это более сложная методология, чем обычные социологические теории (структурный функционализм, феноменология, системный подход и пр.). Эти концепции часто критикуются за их схоластичность. В. Воронков [2], указывая на схожесть официальной постсоветской и советской социологии, подчеркивает множество негативных особенностей. В их число входят партийная ангажированность, слабое знание современной социальной теории и отсутствие к ней интереса у большинства ученых, приоритет общественной актуальности перед научной значимостью, неразвитость института научных дискуссий, отсутствие рефлексии, жесткая формальная социальная иерархия, абсолютизация количественных методов и пр.

В России методологическое развитие неоинституционального подхода актуализировалось ростом интереса исследователей к вопросам институциональной динамики, в т.ч. к процессам институционального распада [3]. В этом – одно из ключевых отличий современного неоинституционализма от традиционного социологического институционализма. В его рамках, в соответствии с постулатами Т. Парсонса [4; 465], социальная система является стабильной и находится в относительном равновесии. Одним из обязательных условий этого равновесия является процесс постоянной институционализации.

Отсюда Т. Парсонс следующим образом определял задачи современной социологии: «Для нас социологическая теория есть тот аспект теории социальных систем, который занимается явлениями институционализации образцов ценностной ориентации в социальной системе, условиями этой институционализации и изменениями в образцах, условиями подчинения им и отклонения от какой-либо совокупности таких образцов, а также мотивационными процессами, поскольку они содержатся во всем этом» [5]. Это определение противоречит пониманию П.А. Сорокина: «Социология изучает явления взаимодействия людей друг с другом, с одной стороны, и явления, возникающие из этого процесса взаимодействия, – с другой» [6; 108].

По мнению Ю. Хабермаса [7; 20], «никто из современных социологов не создал более сложную теорию общества, чем теория Т. Парсонса, с точки зрения уровня абстракции и дифференцированности... Сегодня ни одна теория общества не может восприниматься серьезно, если она не соотнесена с теорией Парсонса». Т. Парсонсу удалось реструктурировать методологический канон социологического знания в американской науке, снизив значимость как марксизма, так и идеалистических конструкций П.А. Сорокина. Созданная Т. Парсонсом идеальная конструкция оказала большое влияние на социологическую теорию, хотя ее и сложно проверить с точки зрения эмпирических сравнений.

Структурный функционализм существенно расширил фундаментальные знания об обществе, социальной структуре и ее функциях, закономерностях их функционирования и развития. Кроме того, структурный функционализм послужил методологической основой для выработки эффективных социальных технологий, с помощью которых возможно преобразовать существующую реальность с учетом

всей сложности и многомерности социальных отношений.

Т. Парсонс исходил из того, что в стабильном состоянии свойства и отношения, формирующие социальную структуру, остаются неизменными. Если отношение между социальной структурой и процессами, протекающими внутри нее и между ней и социальным окружением, нарушаются, возникают социальные конфликты, которые должны быть разрешены.

Парсоновское понимание структуры было реконцептуализировано Э. Гидденсом, который утверждал, что с середины 1970-х гг. структуры нужно рассматривать как «двойственные». Он назвал свою концепцию теорией структурирования, показывая этим неологизмом, что «структура» – это и процесс, и устойчивое состояние. «Понятие «структура» используется в теории структурирования для обозначения правил и ресурсов, рекурсивно вовлеченных в систему социального воспроизводства, институциональные особенности социальных систем обладают структуральными свойствами в том смысле, что взаимоотношения стабильны и устойчивы во времени и пространстве. На отвлеченном уровне «структура» может быть представлена в виде двух аспектов правил: нормативных элементов и кодов значимости. Ресурсы также могут быть двух видов: авторитативные ресурсы, возникающие как следствие координации человеческой деятельности, и распределяемые ресурсы – производные управленческого контроля за материальными продуктами или другими элементами материального мира» [8; 125].

По мнению Р. Берта [9; 349–350], «действующие субъекты пребывают в рамках социальной структуры. Она определяет их социальное сходство, которое, в свою очередь, формирует их восприятие преимуществ, что связано с тем или иным альтернативным действием. Одно-

временно социальная структура по-разному ограничивает действия акторов. Следовательно, они преследуют свои интересы вплоть до границ возможного, то есть до того рубежа, когда их интересы и сама способность действовать формируются социальной структурой. Наконец, действия, осуществляемые под таким давлением, могут изменить саму социальную структуру так, что способны привести к появлению новых ограничений, с которыми сталкиваются действующие субъекты, пребывающие в рамках данной структуры».

Неоинституционалисты полагают, что социальный мир скорее определяется правилами поведения, нежели предопределен социальной структурой. К примеру, Дж. Линц и А. Степан [10] считают, что «набор социально и политически созданных и принятых норм, институтов и регуляторов» играют основную роль в процессе модернизации и формирования «экономического общества».

Существующее многообразие значений не позволяет дать единое, лаконичное и подходящее для всех случаев определение социального института. При этом важно отметить, что социальный институт близко соотносится с такими понятиями, как норма, поведение и правило.

Правила структурируют сложные интеракции обмена и формирования идентичности социальных агентов, которые действуют в усложняющемся мире. Единой институциональной модели организации социального взаимодействия быть не может, поскольку формирование институтов – это гибкий процесс постоянной адаптации, поиска компромиссов, постоянной балансировки ценностей, интересов и потребностей, что делает институциональную структуру динамичной.

Институты – это одновременно и объективная, и субъективная социальная реальность. Это и результат, и фактор, влияющий на

поведение людей. В силу того, что институты – это продукт социальных действий людей, они могут рассматриваться как субъективная данность, созданная людьми, которую каждое новое поколение должно заново создавать. В то же время институты отражаются в объективированной осмысленности социальных действий. Институты – это объективное отражение определенных характеристик социальной системы, содержащей ряд имперсональных, овециствованных и объективированных социальных процессов, которые носят внешний характер по отношению к социальным агентам и ограничивают их, вне зависимости от их субъективной интерпретации. В этом смысле институты конструируют социальную реальность.

Реальность институтов является реальностью социальной жизни. Ее особое положение позволяет ей называться «высшей» реальностью. В понимании П. Бергера и Т. Лукмана [11], фокус внимания к реальности повседневной жизни зависит от «здесь и сейчас» [12] и, таким образом, делает возможной социальные интеракции. Реальность повседневности не только полна объективации, в значительной мере благодаря ей она и существует. Как подчеркивает А. Шюц, «изначальная цель социальных наук состоит в достижении организованного знания социальной реальности. Под понятием «социальная реальность» я склонен понимать тотальную сумму объектов и событий в социокультурном мире в том виде, как они воспринимаются в опыте обыденного мышления людей, живущих повседневной жизнью среди других людей, связанных с ними множеством отношений и взаимодействий. Это мир культурных объектов и социальных институтов, в котором мы родились, несем свою ношу и с которым должны поладить» [13; 241].

Социальная структура подвержена постоянным изменениям (и в

этом отношении неoinституционалисты согласны с приверженцами структурного функционализма). Но эти изменения связаны с общими институциональными тенденциями. Они направлены на повышение эффективной адаптации социальной системы к изменяющимся условиям функционирования. Важный исследовательский вопрос современного социального знания состоит в том, какие именно социальные факторы оказываются задействованными в процессе институциональной трансформации. Ответ на этот вопрос, по мнению ученых, следует искать в самой природе социальных институтов, в истоках их формирования и структурных элементах, на которых основываются институты, включая систему социальных ценностей.

Приверженцы неoinституционального направления на основе фундаментальных знаний об обществе и его институциональных элементах, закономерностях функционирования и развития социальных институтов с помощью специальных социологических методов диагностики оценивают реальное состояние той или иной общественной сферы, определяя условия, при выполнении которых «проявляется один паттерн, а не другой, вне зависимости от того, в какой сфере эти паттерны могут быть найдены» [14; 87].

Институциональный подход также позволяет обобщить имеющиеся в социальной практике социальные технологии, с помощью которых возможно влиять на существующую социальную реальность. Использование данных технологий, направленных на разрешение социальных проблем, позволит субъектам осуществлять выбор наиболее эффективных организационных методов и приемов в условиях неопределенности и социально-экономического риска [15].

Прагматичность социальной инженерии неoinституционалистов

противостоит идеалистическому пониманию социологических позитивистов, например, Ч.Р. Миллс [16], который был не согласен с тезисом: «задача социологии – предвидеть человеческое поведение и управлять им». По мнению американского социолога, социологический технократизм можно интерпретировать как теоретическое и научное обоснование социальных манипуляций.

Российские исследователи [17], придерживающиеся институциональной методологии, полагают, что социальные процессы, включая те, которые происходят в правовой сфере, определяются особенностями российской социокультурной системы, которую можно представить в матричной форме. Институциональной матрицей является совокупность институтов, представляющих разные уровни и направления социального взаимодействия, индивидуальных практик, институционально-организованных форм. Институциональная матрица включает в себя сохранение нерациональной доминанты в культуре, почти полностью подчиняющей себе правовой элемент социальным соображениям. Например, соображениям о доминировании социальной справедливости, патернализме, этатизме и пр. Право не осмысливается как «свобода», и многие молодые люди указывают скорее на желательность правового обучения, но понимают их незначительность для осуществления жизненных планов.

Сформировавшаяся в России институциональная матрица фактически тормозит инновационную активность, порождая «эффект блокировки» социального развития. Кроме того, для нее характерны высокие трансформационные и транзакционные издержки. Это порождает существенный разрыв между модернизационными задачами и невозможностью осуществлять модернизационную деятельность в соответствии с существующими

нормами. В связи с этим встает проблема выбора: что лучше – провести преобразования в соответствии с существующими институциональными паттернами или трансформировать сами паттерны, нужно ли отказаться от сформировавшегося культурного наследия ради того, чтобы более успешно включаться в глобальную экономику.

Поиск оптимизации выходит за пределы выбранного предметного ракурса, но хотелось бы отметить, что в исследовании вопросов правовой социализации акцент нужно делать не столько на экономической проблематике, сколько на анализе сугубо социальных вопросов, которые, по сути, сводятся к проблеме личностного развития в условиях институциональных ограничений. В противном случае поиск оптимума превратится, в конечном счете, в наихудшее управленческое действие.

Повторение и закрепление упрощенных способов мышления в академическом знании является в достаточной степени разрушительным для понимания и объяснения сложных социальных явлений. Институциональный подход пытается преодолеть эти методологические недостатки, осмысляя аспекты социальной реальности, традиционно воспринимаемые в качестве отдельных элементов социальной системы, в их целостности.

Безусловно, любая методология неизбежно упрощает реальный мир и предоставляет мало доступных данных даже для оценки основных социальных процессов. Поэтому применение институционального подхода в качестве наиболее эффективного методологического основания исследования правовой социализации, адекватного природе и социальной сущности данного явления, необходимо дополнять в комплексе с достижениями различных областей социально-гуманитарного знания в области изучения современных социально-правовых про-

цессов и их влияния на процессы, происходящие в молодежной среде.

С точки зрения институционального подхода можно сделать вывод, что социальные процессы правовой социализации определяются не столько нормативными требованиями со стороны государства (которое, как ожидается, постепенно станет правовым), сколько социальными ожиданиями, неформальными нормами и социальными стереотипами по отношению

к праву, которые доминируют в общественном сознании. Правовая социализация является институциональным процессом, а качество правовых знаний у российской молодежи зависит не только и не столько от системы образования, передающей формальные правовые знания молодым людям, сколько от доминирующих в обществе правил и норм, в которых часто неправомерное поведение является не только допустимым, но и приемлемым.

Примечания:

1. Ullmann-Margalit E. *The emergence of Norms*. Oxford: Clarendon, 1977.
2. Воронков В., Карпенко О., Осипов А. *Расизм в языке социальных наук*, Санкт-Петербург: Алетейя, 2002.
3. Барбашин М.Ю. Институциональная модернизация в современном российском социуме // *Российское общество: проблемы идентичности и формирования гражданских институтов: материалы Пятой школы молодого социолога*. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2012. С. 30–39.
4. *Американская социологическая мысль. Тексты* / сост. Е.И. Кравченко; под ред. В.И. Добренкова. М., 1994. С. 465.
5. Парсонс Т. *Общий обзор. Перспективы. Проблемы. Методы* // *Американская социология*. М: Наука, 1972. 378 с.
6. Сорокин П.А. *Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет*. М.: Наука, 1994. С. 108.
7. Хабермас Ю. *Демократия. Разум. Нравственность*. М., 1992. С. 20.
8. Гидденс Э. *Устроение общества: очерк теории структуризации*. М., 2005. С. 125.
9. Burt R.S. *Structural Holes and Good Ideas* // *American Journal of Sociology*, 2004. Vol. 110 (2). P. 349-350.
10. Linz J.J., Stepan A. *Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe*. Baltimore. The Johns Hopkins University Press, 1996.
11. Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности*. М.: Медиум, 1995.
12. Посухова О.Ю. *Карьерное пространство российского общества: когнитивный потенциал неоклассической модели социологического исследования* // *Социально-гуманитарные знания*. 2012. № 7. С. 121–128.
13. Щюц А. *Избранное: мир, светящийся смыслом*. М.: РОССПЭН, 2004. С. 241.
14. Коллинз Р. *Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения*. Новосибирск: НГУ, 2002. С. 87.
15. Посухова О.Ю., Заяц П.В. *Оптимизация управления человеческими ресурсами как фактор развития Ростовской области* // *Научное обеспечение регионального развития: материалы междунар. науч. конф.* Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2015. С. 86–92.
16. Миллс Ч.Р. *Социологическое воображение* / пер. с англ. О.А. Оберемко; под общ. ред. и с предисл. Г.С. Батыгина. М.: Стратегия, 1998.
17. Кирдина С.Г. *Институциональные матрицы: макросоциологическая объяснительная гипотеза* // *Социс*. 2001. № 2.

References:

1. Ullmann-Margalit, Edna. 1977. *The emergence of Norms*. Oxford: Clarendon.

2. Voronkov V., Karpenko O., Osipov A. Ed. 2002 Racism in the language of social science, St. Petersburg: Aletheia.
3. Barbashin M.Yu. Institutional modernization in contemporary Russian society // Russian society: problems of identity and formation of civil institutions. Proceedings of the Fifth School of Young Sociologists. Rostov-on-Don: Publishing House of the SFU. 2012. P. 30-39.
4. American sociological thought. Texts / Comp. E. Kravchenko; Ed. V.I. Dobrenkova. M. 1994. P. 465.
5. Parsons T. Overview. Prospects. Problems. // Methods. American sociology. M: Science. 1972. P. 378.
6. Sorokin P.A. Public sociology textbook. Articles in different years. M: Science. 1994. P. 108.
7. Habermas Yu. Democracy. Mind. Morality. M., 1992. P. 20.
8. Giddens E. Settlement of Society: Outline of the Theory of Structuration. M. 2005. P. 125.
9. Burt, R.S. 2004. Structural Holes and Good Ideas // American Journal of Sociology, 110 (2): 349–350.
10. Linz J. J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore. The Johns Hopkins University Press. 1996.
11. Berger P., Lukman T. The Social Construction of Reality. M.: “Medium”. 1995.
12. Posuhova O.Yu. Career space of Russian society: cognitive potential of the neoclassical model of sociological research // Social-humanitarian knowledge. 2012. № 7. Pp. 121–128.
13. Schyuts A. Selection: World, shining with sense. M.: ROSSPEN. 2004. P. 241.
14. Kollinz R. Sociology of Philosophies. The global theory of intellectual change. Novosibirsk, NSU. 2002. P. 87.
15. Posuhova O.Ju., Zayats P.V. Optimization of human resources management as a factor of development of the Rostov area // Scientific support for regional development. Proceedings of the international scientific conference. Rostov n / d.; Publishing house “Science and Education Foundation”, 2015. P. 86–92.
16. Mills C.R. The sociological imagination / Tr-n from English. O.A. Oberemko. Ed. and intr. G.S .Batygin. M.: Strategy, 1998.
17. Kirdina S.G. Institutional matrix: macrosociological explanatory hypothesis // Sotsis. 2001. № 2.